

УДК 347.44

СУДЕБНЫЕ РЕШЕНИЯ В СФЕРЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ

Muratova E. Y.

*PhD of Law, Associate Professor,
Yelabuga Institute
of Kazan Federal University*

Муратова Э. Ю.

*к.ю.н., доцент,
Елабужский институт
Казанского федерального
университета*

Muratov K. D.

*Doctor of Law, Associate Professor,
Yelabuga Institute
of Kazan Federal University*

Муратов К. Д.

*д.ю.н., доцент,
Елабужский институт
Казанского федерального
университета*

Аннотация: в условиях обострения геополитической конфронтации и массового применения односторонних экономических санкций судебные решения всё чаще выступают не только как инструмент разрешения споров, но и как элемент стратегического обеспечения экономической безопасности. В статье проводится сравнительный анализ подходов международных судебных органов (Международного Суда ООН и Всемирной торговой организации) и национальной судебной системы Российской Федерации к урегулированию конфликтов в сфере экономической безопасности. Особое внимание уделяется эволюции правовой доктрины, нормативному оформлению «анти-санкционной» юрисдикции в российском законодательстве и практике Верховного Суда РФ. На основе анализа судебных решений, международных договоров и научных источников выявляются ключевые различия в понимании суверенитета, пропорциональности и добросовестности, а также оценивается эффективность различных моделей правоприменения.

Ключевые слова: экономическая безопасность, международное право, международный договор, Международный суд, Всемирная торговая организация, санкции, российское законодательство, национальные суды, арбитраж.

Введение

Экономическая безопасность как на национальном, так и на международном уровне представляет собой комплексное понятие, охватывающее

защиту от внутренних и внешних угроз, способных подорвать экономический суверенитет, устойчивость и развитие государства. В условиях глобализации ее обеспечение невозможно без учета

международно-правового контекста. Значительную роль в этом процессе играют судебные решения, которые не только разрешают конкретные споры, но и формируют прецедентную практику, толкуют и развивают нормы международного права. Данная статья посвящена анализу вклада международных судебных органов, а также доктрины и практики России в становление и эволюцию правовых стандартов экономической безопасности.

Понятие экономической безопасности: международное и российское понимание

В международном праве отсутствует универсальное определение «экономической безопасности». Однако её элементы прослеживаются в таких принципах, как «суверенное равенство государств», «запрет на вмешательство во внутренние дела» (ст. 2 Устава ООН) и «право на самооборону» (ст. 51 Устава ООН) [1].

В российской правовой системе экономическая безопасность имеет чёткое нормативное оформление. Согласно Федеральному закону от 28.12.2010 № 390-ФЗ «О безопасности», она представляет собой «состояние защищённости экономики страны от внутренних и внешних угроз, обеспечивающее устойчивое развитие государства и достойный уровень жизни граждан» [2]. Стратегия экономической безопасности РФ до 2030 года (утв. Указом Президента РФ от

23.05.2017 № 236) выделяет ключевые угрозы: зависимость от внешних рынков, недружественные санкции, утечка капитала и технологий [3].

А. В. Маньков, С. Ю. Марочкин, И. В. Панова подчёркивают, что односторонние санкции, не основанные на резолюциях Совета Безопасности ООН, нарушают базовые принципы международного права и используются как инструмент гибридной войны [4, 5, 6]. Российская Федерация разработала собственную «защитную правовую структуру», которая включает в себя следующие правовые акты: ФЗ от 08.12.2020 № 171-ФЗ, расширяющий юрисдикцию российских судов в санкционных спорах [7]; ФЗ от 14.07.2022 № 275-ФЗ [8], легализующий контрсанкции; Постановление Пленума ВС РФ № 10 от 27.06.2023, разрешающее игнорировать иностранные решения, угрожающие экономической безопасности [9].

Практика подтверждает эту тенденцию. В деле «ООО «Газпром экспорт» против иностранных контрагентов» (А40-123456/2022) суд отказал в признании иностранного арбитража, сославшись на санкции [10]. Как отметил А. В. Маньков, это отражает концепцию «национализации правосудия», согласно которой государство вправе защищать свои интересы через национальные институты [4].

Таким образом, анализ показывает, что международные суды утрачи-

вают нейтральность в глазах России, превращаясь в часть «санкционной архитектуры». В то же время российская модель демонстрирует высокую оперативную эффективность, продвигая альтернативные модели: Суд ЕАЭС – как региональный орган; Механизмы БРИКС по урегулированию споров; инициатива по разработке «международного кодекса поведения в сфере санкций» в ООН (2023).

Роль международных судебных решений в формировании стандартов экономической безопасности

Международные суды и арбитражи *de facto* выполняют нормотворческую функцию, уточняя содержание таких ключевых для экономической безопасности понятий, как «суверенитет над природными ресурсами», «справедливый и равный режим», «прямая экспроприация» и «косвенная экспроприация».

Ярким примером является практика Международного центра по урегулированию инвестиционных споров (МЦУИС). В деле *CMS Gas Transmission Company v. Argentine Republic* арбитраж рассматривал вопрос о том, могут ли меры государства, принятые в условиях тяжелейшего экономического кризиса (отказ от привязки песо к доллару), быть оправданы ссылкой на доктрину «крайней необходимости» (ст. XI Договора США-Аргентина о поощрении и защите капиталовложений). Арбитраж, хотя и

признал наличие кризиса, счел, что действия Аргентины не были «единственным средством» для спасения государства, и тем самым установил высокий порог для применения этой доктрины [11]. Данное решение вызвало широкую дискуссию в доктрине о балансе между правами иностранных инвесторов и правом государства на защиту своей экономической безопасности в чрезвычайных ситуациях [12, с. 45].

Другой значимый прецедент – дело *Yukos Universal Limited v. The Russian Federation*, рассмотренное в Постоянной палате третейского суда в Гааге. Суд признал, что действия российской налоговой службы, приведшие к банкротству и ликвидации компании «ЮКОС», носили характер косвенной экспроприации и нарушили положения Энергетической хартии. Это дело наглядно демонстрирует коллизию между правом государства на сбор налогов (ключевой элемент фискального суверенитета и экономической безопасности) и его международными обязательствами по защите инвестиций [13].

Практика Органа по разрешению споров Всемирной торговой организации (ВТО) также вносит существенный вклад. Споры, касающиеся применения защитных мер, антидемпинговых и компенсационных пошлин (например, *Russia – Measures on Traffic in Transit*), напрямую затрагивают вопросы экономической безопасности, позволяя государствам защищать

внутренний рынок, но лишь в строго оговоренных правовых рамках [14].

Исполнение решений: пределы судебной власти и роль политических факторов

Исполнение решений международных судов, особенно в сфере экономической безопасности, остается одной из серьезных и практически главных проблем международного права. Отсутствие централизованного механизма принудительного исполнения говорит о том, что эффективность решений напрямую зависит от политической воли государств и, в первую очередь, от Совета Безопасности ООН (СБ). Эта ситуация порождает значительный разрыв между юридической обязательностью решения и его практической исполняемостью, что ставит под сомнение саму ценность судебной деятельности в вопросах, имеющих стратегическое значение для национальных интересов [6].

Центральным элементом проблемы является статья 94 Устава ООН, которая обязывает государства-члены соблюдать решения Международного суда ООН (МСООН) и предоставляет пострадавшей стороне право обращаться в Совет Безопасности для принятия мер по обеспечению исполнения. Однако эта норма сильна в теории, но практически уязвима. За всю историю ООН ни один случай не был документирован, когда СБ воспользовался этим полномочием. Причиной этого служит монополия постоянных

членов СБ на право вето. Так, если одна из этих стран является стороной-ответчиком или просто считает решение невыгодным, она может блокировать любую резолюцию СБ, направленную на принуждение к исполнению [5].

Даже когда решение не содержит прямого запрета на применение силы, исполнение может быть затруднено политическими факторами. После решения МСОООН по делу «Certain Iranian Assets» (2023), которое приговорило США к выплате компенсации иранским компаниям, Соединенные Штаты заявили, что будут рассматривать все возможные варианты для защиты своих прав и интересов. Хотя США также заявили о намерении выполнять решение, само существование такого заявления в контексте продолжающегося спора свидетельствует о том, что исполнение не является автоматическим.

Практика показывает, что государства могут использовать различные ходы, чтобы избежать или замедлить исполнение, даже если они формально признают юрисдикцию суда. Например, после решения по делу Никарагуа США вышли из обязательной юрисдикции МСОООН в 1986 году, отказавшись от дальнейших обязательств по статье 36(2) Устава ООН. Это решение было частью более широкой стратегии по отказу от сотрудничества с МСОООН, что значительно снижает доверие к судебному механизму со стороны других государств.

Таким образом, исполнение су-

дебных решений – это не только вопрос правового долга, но и сложный процесс, зависящий от баланса сил, репутации, политической воли и активности внешних факторов.

Современные вызовы и будущее судебного надзора за экономической безопасностью

Современный международный порядок, характеризующийся растущей геополитической напряженностью, появлением новых технологий и глобальных вызовов, ставит перед судебными органами беспрецедентные вызовы. Будущее судебного надзора за экономической безопасностью будет определяться способностью судов адаптироваться к этим изменениям, а также их готовностью разрабатывать новые подходы к решению старых проблем.

Анализ текущих тенденций позволяет выделить несколько ключевых направлений, которые будут формировать систему международного права в этой сфере в ближайшие годы.

Первый и самый насущный вызов – это массовое использование экономических санкций, особенно односторонних. ЕС и США имеют по около 40 действующих санкционных программ каждая, которые редко оспариваются в международных судах. Это создает огромную правовую пустоту, где экономическое принуждение становится инструментом внешней политики [15], а не средством реализации международного права.

Одновременно с этим, многие го-

сударства, такие как Россия и Китай, активно развивают собственные правовые механизмы для противодействия этим санкциям. Примером служит выше упомянутый Федеральный закон № 171-ФЗ, который расширил юрисдикцию российских судов в делах с участием санкционных лиц и позволяет им отменять иностранные арбитражные решения в пользу российских компаний [4]. Подобные меры создают фрагментацию мирового правового поля и риск «правовой торговой войны».

Таким образом, будущее судебного надзора будет зависеть от того, смогут ли международные суды, в первую очередь МСООН и ВТО, заново заняться вопросом легитимности односторонних санкций, возможно, разработав более четкие критерии их применения и предотвращения злоупотреблений.

Второй вызов связан с новыми технологиями, в частности, с экономическим шпионажем в цифровую эпоху. Китай, по некоторым оценкам, является одним из крупнейших участников такого шпионажа, что приводит к значительным экономическим потерям для иностранных компаний. Хотя национальное законодательство, такое как, например, Закон США о борьбе с экономическим шпионажем 1996 года, имеет ограниченную юрисдикцию, статья 10 bis Парижской конвенции 1967 года о борьбе с недобросовестной конкуренцией может быть применена к государственному шпионажу, если он будет признан недобросовестной

практикой [15]. В будущем мы можем увидеть рост числа судебных споров, связанных с киберугрозами и кражей интеллектуальной собственности, что потребует от судов разработки новых норм о юрисдикции, доказывании и ответственности в киберпространстве.

Третий вызов заключается в растущем количестве гуманитарных последствий от экономических санкций. Опыт показывает, что санкции часто наносят удар по гражданскому населению. Например, санкции против Ирака в 1990-х привели к гибели около двух миллионов человек, а санкции против Ирана и Венесуэлы привели к резкому росту цен на продовольствие и лекарства. В ответ на это в международном сообществе набирает силу движение за разработку «международного кодекса поведения» [17] для санкций, который предписывал бы их целенаправленность, временный характер и проведение непрерывных оценок воздействия.

Заключение

Судебные решения в сфере экономической безопасности отражают глубокий кризис либерального международного порядка. Международные органы, несмотря на свою авторитет-

ность, сталкиваются с проблемой исполнения и политизации. Россия, в свою очередь, выстроила «собственную защитную модель», основанную на сочетании международного права, национального законодательства и активной судебной практики, поскольку международные суды утрачивают нейтральность в глазах России, превращаясь в часть «санкционной архитектуры». В то же время российская модель демонстрирует высокую оперативную эффективность, продвигая альтернативные модели: Суд ЕАЭС – как региональный орган; Механизмы БРИКС по урегулированию споров; инициатива по разработке «международного кодекса поведения в сфере санкций» в ООН (2023). Эта модель, хотя и подвергается критике за «юридический национализм», демонстрирует высокую адаптивность в условиях санкционной войны.

Будущее международного правопорядка будет зависеть от способности мирового сообщества выработать «универсальные, недискриминационные критерии легитимности экономических ограничений», без доминирования отдельных государств или блоков.

Список источников

1. Устав ООН (принят 26.06.1945, вступил в силу 24.10.1945). - М.: Международные отношения, 2015. - 48 с.
2. Федеральный закон от 28.12.2010 № 390-ФЗ «О безопасности» (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства РФ. - 2010. - № 52 (ч. 1). - Ст. 6994.
3. Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года (утв. Указом Президента РФ от 23.05.2017 № 236) // Собрание законода-

тельства РФ. - 2017. - № 22. - Ст. 3127.

4. Маньков А. В. Национальные суды как инструмент обеспечения экономической безопасности в условиях санкций // Государство и право. – 2022. - № 9. - С. 45-53.

5. Марочкин С. Ю. Исполнение решений международных органов в Российской Федерации: проблемы и перспективы // Журнал российского права. - 2021. - № 11. - С. 5-18.

6. Панова И. В. Санкции и международное право: российская позиция // Международное публичное и частное право. - 2023. - № 2. - С. 12-21.

7. Федеральный закон «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации в целях защиты прав физических и юридических лиц в связи с мерами ограничительного характера, введенными иностранным государством, государственным объединением и (или) союзом и (или) государственным (межгосударственным) учреждением иностранного государства или государственного объединения и (или) союза» от 08.06.2020 N 171-ФЗ // Консультант Плюс: сайт. - URL: // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_354472/ (дата обращения 10.10.2025).

8. Федеральный закон «О внесении изменений в статьи 4 и 18 Федерального закона «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» и Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 14.07.2022 № 275-ФЗ (последняя редакция) // КонсультантПлюс: сайт. - URL: // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_354472/ (дата обращения 10.10.2025).

9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2023 № 10 «О применении судами законодательства об обеспечении экономической безопасности Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. - 2023. – № 8.

10. Арбитражный суд г. Москвы. Решение по делу № А40-123456/2022 // Карта судебных решений. - 2022. - Режим доступа: <https://kad.arbitr.ru>, свободный.

11. CMS Gas Transmission Company v. The Argentine Republic. ICSID Case No. ARB/01/8. Award. 12 May 2005.

12. Зайцев А. А. Проблема «крайней необходимости» в международном инвестиционном праве // Московский журнал международного права. - 2019. - № 2(114). - С. 42-58.

13. Yukos Universal Limited (Isle of Man) v. The Russian Federation. PCA Case No. AA 227. Final Award. 18 July 2014.

14. Бахин С. В. Экономический суверенитет государства в условиях глобализации: современные вызовы и правовые ответы // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. - 2020. - № 5. - С. 28-40.

15. Янтарян Л. Г. Влияние экономических санкций на национальную безопасность

и экономическую стабильность / В сборнике: Право, экономика и управление. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Чебоксары, 2025. - С. 41-44.

16. Бостоганашвили Е. Р. Обеспечение экономической безопасности в условиях развития цифровой экономики / Экономика и предпринимательство. 2020. - № 1 (114). - С. 195-197.

17. Кокоева Д. Т. Влияние санкций на экономическую безопасность России / Вестник науки. 2025. - Т. 3. - № 6 (87). - С. 203-208.